

Анатолий Черняев, влиятельный советник Михаила Горбачева по международным делам, умер в возрасте 95 лет

(Эндрю Рот, «Вашингтон Пост», 15.03.2017)

Анатолий Черняев, влиятельный советник по международным делам и спичрайтер Михаила Горбачева, страстный поборник курса политической открытости и снижения военной конфронтации, автор полных грустных размышлений личного дневника, в котором он подробно фиксировал свои наблюдения событий последних двух десятилетий существования СССР, умер 12 марта в Москве. Ему было 95 лет.

Горбачев-Фонд в своем официальном заявлении подтвердил факт его смерти. Члены семьи сообщили, что он страдал от респираторного заболевания.

Г-н Черняев, ветеран Второй мировой войны, десятилетиями поднимался по ступеням карьерной лестницы кремлевского внешнеполитического истеблишмента и привлек к себе более пристальное внимание общественности в качестве члена круга либерально мыслящих советников Горбачева, каковым он являлся с 1986 года и вплоть до падения Советского Союза в 1991 году.

Будучи одним из наиболее доверенных лиц среди приближенных Горбачева, он был твердым сторонником «нового мышления», которое реформировало Советский Союз после многих лет застоя благодаря демилитаризации его внешней политики и стремлению к гласности внутри страны.

Он призывал Горбачева искать совместно с США пути для исторического сокращения ядерных вооружений, поддержал немедленный вывод из Афганистана советских войск, которые вторглись туда в 1979 году, и еще в 1986 году предлагал рассмотреть возможность объединения Германии.

Он присутствовал на всех саммитах Горбачева с президентом США Рональдом Рейганом, премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер и другими мировыми лидерами. В тот вечер, когда пал Советский Союз, он был в числе немногих советников, кто удалился вместе с Горбачевым в полутемную Ореховую комнату Кремля, чтобы помянуть коньяком завершение пути этой страны. Они оба стремились к реформам, а не распаду СССР.

«Пожалуй, он был самым искренним и самым большим сторонником политики и мышления Горбачева», — говорит Павел Палажченко, в прошлом ведущий английский переводчик Горбачева, а ныне руководитель пресс-службы Горбачев-Фонда. — «Черняев рассматривал это как уникальнейшую возможность изменить внешнюю политику страны и, тем самым, создать условия для настоящих перемен у себя дома, в Советском Союзе».

Хотя он избегал публичности — на групповых фотографиях в ходе саммитов он часто становился поодаль — он имел значительное влияние. Когда Горбачев планировал встречу с Рейганом в 1986 году, Черняев сказал ему, что подготовленное МИДом предложение об умеренном сокращении вооружений нельзя назвать «хорошим» («Просто дерьмо!»), — отозвался Горбачев, согласно записи Черняева, позже опубликованной в его мемуарах).

Ранее в том году Горбачев предложил ликвидировать ядерное оружие к 2000 году; многие за рубежом расценили это радикальное предложение как пропагандистский ход.

Стремясь действовать в духе нового мышления Горбачева, Черняев рекомендовал придерживаться этого заявления и предложить значительное сокращение стратегических вооружений в качестве главной темы встречи. «Основная цель в Рейкьявике, если я правильно Вас понял (во время отпуска) на юге — огорошить Рейгана нашим смелым,

даже «рискованным» подходом к центральным проблемам мировой политики», — писал он о саммите 1986 года в Исландии.

Горбачев согласился и в беседе с Рейганом озвучил самые далеко идущие предложения по избавлению мира от ядерного оружия, которые когда-либо обсуждались за время холодной войны. Переговоры провалились ввиду разногласий по поводу планов противоракетной обороны Рейгана (СОИ), но они заложили основу для последующего Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 года (РСМД) — первого договора, положившего начало ликвидации целого класса ядерных вооружений.

Эрудированный и энергичный, Черняев стал флагманом всех реформаторски мыслящих представителей советской номенклатуры, пребывавших в смятении после того, как наступившая со смертью Иосифа Сталина в 1953 году оттепель схлынула с вооруженным вторжением СССР в Чехословакию во время событий Пражской весны 1968 года.

Он был на десять лет старше Горбачева, воспитанный в кругу московской интеллигенции 20-х годов в относительно либеральный период ленинского НЭПа до прихода к власти Сталина.

Даже уже будучи высшим советником, он ненасытно читал (особенно художественную литературу) и отстаивал перед цензурой такие романы, как «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова.

«Самое сильное влияние на Черняева и его ближайших современников оказал, как он это сам называет „культ культуры“, вобравший в себя страсть к литературе, истории и миру идей. Это дает ключ к пониманию России, как неотъемлемой части западной цивилизации», — пишет в предисловии к мемуарам г-на Черняева «Шесть лет с Горбачевым» Роберт Инглиш, исследователь международных отношений, славянских языков и литературы.

Этих «дремлющих» сторонников нового мышления всколыхнул приход к власти Горбачева, чей курс реформ стал «словно лучом света», по словам Светланы Савранской, старшего научного сотрудника Архива национальной безопасности при Университете Джорджа Вашингтона, редактора переводов дневников, которые г-н Черняев кропотливо вел с 1972 года.

Черняев не скупился на похвалы Горбачеву, особенно в его первые годы на посту генерального секретаря компартии с 1985 по 1987 гг.

«Мы получили редкостного лидера: умница, образованный, «живой», честный, с идеями, с фантазией. И смелый», — написал Черняев в январе 1986 года, незадолго до своего назначения на должность советника по международным делам.

В последние годы Перестройки он умерил свой восторг. Он рано распознал возрастающую в обществе неприязнь к Горбачеву, а после жертв среди участников антисоветского протеста в Литве в 1991 году написал — в резких тонах — прошение об отставке. Он так и не подал его.

Временами он дает резкие оценки.

«Он изолирован», — написал он о Горбачеве 8 июля 1990 года во время последнего съезда КПСС. — «Он обвиняет своих оппонентов в том, что они не ощущают, что живем уже в другом обществе. Но он сам этого не ощущает, потому что его понимание „другого общества“ не совпадает с тем, какое оно на самом деле. А оно оказалось в массе своей плохим, а не хорошим, на что он рассчитывал, когда давал ему свободу».

Анатолий Сергеевич Черняев родился в Москве 25 мая 1921 года в семье бывшего офицера царской армии.

Воевал против нацистской Германии во время Второй мировой войны в должности командира взвода в Прибалтике; чтобы его не признали негодным к военной службе, ему приходилось скрывать приступы астмы, преследовавшие его всю жизнь.

После возвращения с войны окончил исторический факультет МГУ в 1949 году, затем преподавал в своей альма-матер на протяжении большей части следующего десятилетия. После трехлетнего периода работы в Праге, в журнале «Проблемы мира и социализма», сыгравшем неожиданную роль инкубатора для либерально мыслящих советских чиновников, он перешел в Международный отдел ЦК КПСС. В 1970 году стал заместителем начальника отдела.

Он подумывал уже о выходе на пенсию, когда 16 лет спустя Горбачев выбрал его своим советником по международным делам.

«Я устал, — написал он тогда в своем дневнике. — Мне 65 лет, хочется ровной жизни, побольше покоя и побольше времени на себя, на книги, на выставки, на театр, на Консерваторию, на любимых и проч. женщин. Мне уже не к лицу суетливая должность помощника».

Тем не менее, он согласился.

Его жена, Геня Соломоновна Вайнберг (по девичьей фамилии), с которой он прожил в браке 47 лет, умерла в 2005 году. Его ныне живущие близкие — это спутница 12-ти лет его жизни Людмила Рудакова, дочь Анна Черняева и внук. Все они проживают в Москве.

После 1991 года он сотрудничал с Горбачев-Фондом, а также публиковал книги. В 2004 году он передал в дар копии своих дневников, охватывающих период с 1972 по 1991 гг., Архиву национальной безопасности — организации, рассекречивающей документы новейшей истории. Савранская отмечает, что он пошел на этот шаг из опасений, что его дневники могут оказаться недоступными для широкой публики в России.

Его взглядам претил путь политического развития России, по которому она пошла с недавних пор под началом президента Владимира Путина. «Он переживал», — отмечает Савранская. — «В этой политике столько мрака и негатива, что порой он мог бы сказать „Лучше бы мы не дожили до этих времен“».